

Люди привыкли спорить о том, что можно не считать поэзией. Я долго молчал, слушал, впитывал... А потом неожиданно весь как-то пропитался и совсем прояснился. Да, так иногда бывает. И однажды мне захотелось начертать образец всего самого непоэтического. Я начал создавать его в своем живом журнале, создавать по ночам, вот так - просыпаться и создавать в поте лица и не для кого. Почти каждую ночь я открывал окно своего живого журнала и струил зефиром. Это было что-то без рифмы. Но иногда и с ужасными рифмами... Как и положено в наше время, исключительно никто этих записок не читал, отчего я мог смело струить всё, что не придет в голову... И уж коли меня не читали в моем ЖЖ, то пусть теперь не читают и здесь... (Из записки, найденной в какой-то бутылке).

Стихопроза

Евгений ОРЛОВ

ЧЕТЫРЕ СТЕНЫ

Вместо эпиграфа

Давайте считать это прозой, потому что иначе я не знаю, что это такое.

Вместо предисловия

Тексту требуется корректор со знанием русского алфавита.

КТО-ТО ВМЕСТО МЕНЯ

Мне теперь любопытно: что происходит с любовью, когда она уходит.

Как ей там? И где это там?

Раньше я думал, что моя любовь целиком и полностью перемещается от одного человека к другому, как переходящее Знамя Коммунистического труда: от одного – к другому, более заслуженному товарищу...

Но сегодня, когда Знамя это трепыхается в Красном Уголке, а товарищей – нет...

Странное дело: совсем бесхозное, трепыхающееся на сквозняке, никому не принадлежащее – Знамя.

И странное занятие – продолжать любить того, кого больше не любишь.

Впрочем, рано уже...

За окном светает, пора отдыхать.

Я помню, как ты ясно спишь и – не обращаешь внимания.

КОЛОРАДО

Я люблю чистить картошку перед монитором.

Вообще-то, я люблю варить себе супы, сидя перед монитором (суп сам себе варится на кухне, а я сижу перед монитором и жду, когда в комнату войдет его запах и скажет: здравствуй, Женя, вот он я, пришел, измени меня к лучшему!).

И тогда я отрываюсь от монитора и иду добавлять в небольшую кастрюльку несколько ведер крупно резаной моркови, мелко струганого лука, обязательно красного перца, а потом еще гуманную пригоршню желтого риса, я могу забросать в куриный суп хоть сто кружков очень вкусной копченой колбасы (но это если на нее хватает нежнейших из денег, что в последние годы является непозволительной роскошью для меня – иметь нежнейшие из денег), да, и колбаса эта не портит куриного вкуса, даже наоборот, она его делает почти бутербродным, но какой же суп – без картошки? и если вы скажете: молочный, то я отвечу: пожалуй, потому что картофель в молочной похлебке совершенно неуместен, потому что зачем в это млечное варево кидать такое чудесное чудо, такой ароматный, такой сочный, такой пышный, такой сговорчивый по каждому поводу продукт, как картофель?

О, как же я люблю его чистить перед монитором, вырезая картофельные глазки и ушки, когда у самого от негаданно налетевшего давления выжимает глазки и ушки, я люблю это делать маленьким, тоненьким, как сусальный апрельский лед на реке, с деревянной ручечкой ножичком (держи Женя ноги в руках! держи Женя ноги в тепле!), кожаная картофельная шкурка шлепается на расстеленную газету (да, ту самую, в которой ты, Женя, вот уже шесть лет как делаешь вид, что работаешь) и звенит во все стороны: дзынь-шур! и газета превращается в нужный, очень нужный предмет, который после всего этого можно: раз – и привет за окно! все, с газетой – покончено!

Если бы у меня была жена, то она, и это как кушать дать, ни разу не позволила бы мне вот так расстелить перед монитором газету, чтобы чистить над ней это золото, да, она

бы говорила: испачкаешь мне (ей!) всю мою (ее!) комнату, буду потом за тобой (это она про меня так) вынужденно вынуждена убирать день и ночь, а я, между прочим с высшим иностранным образованием, да и иностранство теперь у нас повсюду и куда ни плюнь из окна попадешь в какого-нибудь посла, еще хуже того консула, особенно если, не дай бог, сомалийского, с повязкой поверх посеянного в океане ока и с мощным ятаганом на заднице (дзынь-шур! мне очень стыдно, господин посол, это моя газета...), поэтому у меня нет никакой жены – ни родной, ни чужой, ни по пятницам.

И только чистка картошки перед монитором делает меня почти счастливым, почти живущим далеко-далеко, несколько столетий назад, когда не было ни этих жидких кристаллических мониторов, ни ино-странно-образованных жен, ни, прости господи, ежедневных газет и вообще когда, собственно, не было на свете ничего, кроме картофеля и майских жуков, таких теплых, усатых и с молнией на продолговатой спине...

Ибо даже в далеком Колорадо майский жук считается символом почти вечного почти счастья, потому что почти цветной и потому что почти улыбается!

ОБЛАКО

Вчера (?) написал в Живом Журнале пост про облако, но дописался в последние дни до того, что полез проверять – как правильно пишется слово облако...

И очень удивился, что оно пишется не облоко, а облако...

Потом вспомнил, что это не оно обло озорно и лаяй и успокоился. Действительно, не яблоко же!

Зато перед сном, после перекура на балконе (что же ты куришь, Женя, с намеком спросите вы, но будете совершенно левы), родился стишок, почти биографический.

И почти оптический, если представить меня в виде телескопа (утром перечитаю и сотру все к едрене фене, но палец сам тыкает в какие-то бу-квы, а пальцу нельзя грозить пальцем, он этого не любит!).

Итак: стишок.

Яблоко (зачеркнуто) **Облако**

в моем окне окно а в том окне она
глядит в мое окно из своего окна

и так она глядит как будто в облака
свинцового пути протянута рука

о! так она глядит как будто нет меня
как будто впереди не женя а фигня

и даже не фигня а призрак той фигни
в которую меня вогнали эти дни

уныния хандры мигрени и хандры
(вы слышите надрыв? вот именно – надрыв)

но главное не то что мне нехорошо
а то что ее взгляд всего меня прошел

всего меня прошел без малого труда
и дальше покатыл – неведомо куда

а я остался тут неведомо какой
с надорванной душой прошитою душой

ПОЧЕМУ Я НЕ ЛЮБЛЮ ПРОЗУ

Все, что я пишу в течении последних пяти-десяти лет (вот и это, и то, и совсем не то, и совсем другое), я пишу сразу в окно Живого Журнала. Пишу, не дописываю, сохраняю для себя, потом вдруг вспоминаю и возвращаюсь. А далее – как выйдет: понравится – раскрою для друзей, не понравится – сотру.

Несколько раз бывало такое: пишешь себе в окно, пишешь какое-нибудь стихотворение, нажимаешь на "Отправить" и тогда, вдруг, бац! вываливаешься из интернета... Текст утрачен, настроение – блин подгорелый.

Очень хорошо, если это были стихи – тут довольно просто все как-то восстановить (а иногда даже лучше получается, в том смысле, что или стих становится лучше, или «Отправить» его совсем нафиг to nothing, потому что однозначно уже вырос в своих глазах и видишь с этой немыслимой досель колокольни, какое он (стих) был непостижимое для человеческого величия чмо!).

С прозой (назову ее так) все совсем иначе.

Когда творишь прозу сразу в окно Живого Журнала – творишь, будто на чистовик, перечитываешь каждый абзац, потому что проза намного длиннее стиха, геморройнее его, даже если короткая, и тебе будет страшно жутко и лениво потом все заново перечитывать, переопылять – лучше уже сразу расчихать пыльцу по заповедным местам...

Вот прямо сейчас мне очень-очень нехорошо и даже больно!

Только что я на одном дыхании написал небольшой выдающийся рассказик под названием «Кактусы» и не стал сохраняться – а продолжил на том же дыхании его холить и лелеять...

И когда нажал на кнопку "Отправить" – вылетел из этого (точное русское слово – *ред.*) интернета и теперь мои «Кактусы» гуляют где-то над облаками, выхухоленные и облелеянные, переплетаясь с душами неожиданно умерших...

Прозу – не восстановить.

Нет в ней тех самых спасительных сигнальных точек, кои принято называть ритмом и рифмами.

И если один раз выбрался из этого самообустроенного прозаического настроения, то обратно в него очень трудно втащиться (ну что, пан тыква, не по ушам тебе шапка-то мономаховая?). Да и нужно ли это возвращение? Мне? Вам?

Вот почему я теперь буду всем сообщать, что мой самый лучший иронический рассказ назывался «Кактусы», а на вопросы жаждущих читателей: "Ну, так где же он?

Предъявите!", буду показывать пальцем в небо и говорить:

- Там. Там же, где и все...

КАКТУС

у кактуса в крови вино и мед
и если век его не поливать
то кактус этот факт переживет
с фаллическим умением стоять
а если поэтически сказать
уравнивая засуху с войной
то знай что просто он умеет ждать
(по Симонову) как никто другой!

КВАРТИРОСЪЕМКА

Итак, сегодня я обнаружил на своем балконе двух птиц!
Вообще-то, у меня нет своего балкона, потому что у меня нет и своей квартиры, но если бы я написал "Итак, сегодня я обнаружил на чужом балконе двух птиц", вы бы подумали: "Эка невидаль, на чужих балконах таких птиц – завались! Писать ему, наверное, больше не о чем..." и были бы абсолютно правы, но именно сегодня я обнаружил на своем не своем балконе двух самых настоящих воробьев – посланцев пока еще дружественной нам воздушной стихии!
– Семья Воробьевых в гостях у Орловых, – чуть было не воскликнул я, но вовремя вспомнил, что никаких таких «Орловых» у меня тоже давно нет...
Зрение, раздвоившееся в ноябре, к декабрю все-таки сфокусировалось на кончике носа, а ведь как это было круто: отражаться в зеркале сразу в двух экземплярах!
Видеть за мостом целых два Домских собора! Получать в магазинах на сдачу не 5 евро, а целых два раза по 5!!! Правда, и платить, благодаря все тому же оптическому обману – это тоже платить вдвое больше... Ну да кто кроме меня и эндокринолога Анжелики поймет, о чем эта странная щитовидная песнь?
Вернемся, однако же, с земли – на небо.
Итак, у меня на балконе действительно поселились два воробья!
Ведут себя интеллигентно, не сорят, какают с ограждения аккуратно на внешнюю сторону арендованного пространства, глядя при этом мне прямо в глаза... В свободное от полетов время – прогуливаются по моему карнизу и уже несколько раз любовались через стекло моими кактусами... Кушают любой хлеб, разрешают курить и слушать громкие российские сериалы... При этом – рано ложатся спать (или садятся, вот не знаю, как это у них называется...).
Там, за ящиком из-под молочных бутылок, я постелил им свой старый, но вполне добротный махеровый носок и к весне буду ждать прибавление...

САМООБСЛУЖИВАНИЕ

Только что написал стих.
Перечитал – ну совсем ничего не понял...

ВЕЛИКОСВЕТСТВО

*только там где нас нет – свет
только там где мы есть – тьма*

Да, конечно, я пишу стихи, это происходит длинными зимними вечерами, когда Луна особенно ярко освещает колодец – ты помнишь его, мон ами – тот самый, на краю села, ты еще называла его "мой маленький ласковый джин", видимо, за тугую металлическую ручку, но – пуркуа? отчего именно? тебя всегда было сложно понять, я же – никогда не интересовался из каких ушей растут ноги у твоей, мон ами, очередной неожиданной ассоциации...

Знай же, однако, что "твой маленький ласковый джин" в свете Луны – великолепен и с некоторых пор начал напоминать мне ту самую круан мутюр, из-за которой ты в последний раз перебила в избе все тарелки, да так, что (помнишь?) нам пришлось в кои веки запрягать ополоумевшего Декабриста и только к утру мы добрались до ближайшего деревенского быстроупака – тарелки, кстати, я тебе никогда не прощу, как и портрет моей любимой бабушки, утонувший в Пречистке...

Конечно, я пишу стихи, а как же иначе?

Сегодня я продолжал писать о тебе поэму, мон ами, наша любовь стоит того, чтобы будущие энтруа восхищались теми чувствами, которые я продолжаю испытывать к тебе даже по сей день...

Я пишу вечерами, я зажигаю те самые свечи, которые ты подарила кузнецу Амбросию на мой день рождения, те самые "биг джонс джоукс", если я правильно помню, и слезы, слезы подступают к моему горлу: как ты могла, как ты могла, мон ами? я не хотел расстраивать тебя понапрасну, но кузнец умер.

Что – рифма? Что – этот навязчивый, этот единообразный, этот приковывающий к себе ритм, от которого теперь невозможно отказаться, потому что именно он – ритм? Я ищу каждое слово о тебе, как ненасытный фарисей ищет новый лабиринт для своего уединения...

*только там где мы есть – свет
только там где нас нет – тьма*

У меня, мон ами, на выходных разыгралась грыжа и местный говновоз за пятерку доставил мне из города бинты и вату, поэтому не волнуйся, я справлюсь, ибо неустанно твержу твое имя и оно помогает мне, имя твое, как если бы пришлось идти мне в атаку, на передний край обезумевшей нечестивой орды (курлэ накиш?), за твое прекрасное,

мон ами, имя, с именем прекрасным твоим!

И еще о колодце: вода в нем замерзла, твой "маленький джин" был о прошлом годе
изъят да оприходован покойным кузнецом на подкову для Декабриста, бревна пока еще
целы... Приезжай, а, мон ами?

*и если суждено мне век скитаться
и если суждено скитаться мне
то как сказал изысканный Гораций:
кто был влюблен – тот был влюблен вдвойне!*

Вечно твой йа.

СВЯЗЬ

Сегодня в час ночи неожиданно прогремел гром.
Я не поп, поэтому не перекрестился, а просто продолжил думать о тебе.
Когда думаешь о другом человеке, молишь у него пощады.
Ты говоришь ему: помилуй меня, другой человек, пощади меня, сохрани во мне веру в
тебя, сохрани ее во имя тебя, другой человек!
Я просто продолжил думать о тебе, хотя и не уверен, что ты существуешь.
А потом заревела вдруг «скорая» и несусветная пьянь за окном провозгласила начало
похода, военные действия длились недолго, поднялся сильный ветер, перервал
провода, рухнула башня, кончились сигареты...
Все это было несущественным, потому что я думал о тебе (просто думал о тебе), не
позволяя никаким чувствам прорасти на поверхности страницы никакими словами...
Вот и теперь никакие слова не появятся в завершение этого текста.
Кроме одного слова: атом.
И я представляю, как это слово летит к тебе, множится, овивает твои плечи тонкой
цепочкой, загорается новогодними лампочками, каждая буква несет понемногу тепла и
понемногу звенящего переливающегося солнца...

ИСХОД

и вот так – просиживая жопу
перед монитором – день за днем
мы согласно нашим гороскопам
расстаемся ссоримся живем
радуемся солнцам на картинках
свой шлифуем в фотошопе лик
а один законченный старик
так и умер молодой блондинкой...

ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ ЭПИГРАФЫ

Ну вот еще одна строчка, которую совершенно некуда было засунуть, поэтому я решил использовать ее здесь в качестве эпиграфа.

Надо сказать, что эпиграфы сильно украшают любое мое прозаическое произведение – как цыплята, разбежавшиеся по типографскому двору. И покуда читатель думает о смысле, заключенном в эпиграф, я успеваю написать первый абзац рассказа, мастерски начинить его огромным количеством слов, нимало не заботясь о сюжете: пишу вот, как теперь, обо всем, что вздумается, жму на буковы, иногда даже жмут на них без разбера, тем временем как читатель пьет кофе и смакует мой сочный эпиграф...

– Слушай, родная моя, – говорит он своей образцово-показательной супруге, – "какие все-таки прекрасные эпиграфы использует этот писатель! Какие они у него тонкие и изысканные, какие философские! Наверное, этот писатель и сам большого ума человек, если использует такие замечательные эпиграфы!".

Эпиграфы делают мою прозу обреченной на смысл, чего никогда не скажешь о моих стихах, вылупившихся из боли, фантазий и замкнутой на тебе нежности.

САНЧО

забыла? он и сам себе не нужен
но ослик жив и стало быть – в пути
дорога дорога и зла к тому же
мечту прожить – не остров обойти

но в целом все в порядке донна... донна...
он имени не помнит твоего
но если кто-нибудь ему напомнит
взамен получит много ничего

а путь его лежит туда где что же?
и где-нибудь да ждут его враги
навесят кренделей крестьянской роже
затем убьют и снимут сапоги

казалось бы куда с таким итогом?
но ослик жив и стало быть – в пути
о донна... донна... дорога дорога
коль по дороге не к кому идти

PAUSE

Сегодня мне захотелось изменить мир к лучшему и я поменял оформление своего Живого Журнала.

Мир действительно изменился, он стал намного более схематичным и даже легкая серость оказалась ему к лицу.

Я, наконец, избавился от бесконечной череды собственных фотографий (достаточно и одной, я и так хорошо себя помню, причем помню на совсем другом фото), мне оказалось ненужным это "облако тэгов" (их будет вполне достаточно наступившей уже осенью: тэг "холодно", тэг "тоскливо", тэг "где бы заработать денег" и тэг "я тебя кажется люблю, не веришь?"), я давно стал неисправимым минималистом, отчего хочется только одного и самого главного – вечности: чтобы сидеть под дождем у моря и не ждать погоды, просто сидеть, просто не ждать, и чтобы дождь не кончился, потому что очень глупо возвращаться домой мокрым, если дождь давно закончился...

Впрочем, мой журнал никогда не будет полностью живым.

Я не верю в переселение душ – даже в живые журналы.

СИНУТ

Я не люблю море с той стороны.

Я люблю его – с этой.

ПРЯМОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТЕЛУ

"Ну, хорошо. Если хочешь это держать в тайне, держи. К делу это прямого отношения не имеет".

Михаил Булгаков "Мастер и Маргарита".

Выбирая между поездкой на поезде или на автобусе я всегда отдаю предпочтение первому, но покупаю билеты на второе. Это, наверное, у меня характер такой: отдавать предпочтение одному, однако попадаться под необъяснимое очарование другого. Так у меня было и с первой любовью.

Звали ее Люба, я получил ее по наследству от своего приятеля, как говорится, с чем мать родила: с крупной жемчужной грудью, глазами глухарями, тазом на четыре персоны и с четырьмя годами половой зрелости в ее пользу.

Помню еще пять золотых колец на левом мизинце, короче, не девушка, а зимние олимпийские игры для взрослых.

В свои пятнадцать я, безусловно, мог бы быть немного более разборчивым в женщинах (и в следующий раз буду), но тогда – романтика первого французского поцелуя взяла меня за свое...

Вот и до сих пор: язык мой – враг мой.

ДРОБЬ

Сейчас поделюсь, если кому интересно...

Обнаружил в пустом ящичке из-под мацы таракана и некоторое время наблюдал за этим ваххабитским активистом.

Флакочик с израильским дуством стоял наготове, но не понадобился.

Как известно, все мы в руках аллаха или еще в чьих-либо руках, поэтому таракан неожиданно издох, так и не успев соединить проводки.

После чего был осторожно похоронен на мусорке, как и был – в ящичке из-под мацы с проводками, зажатыми в лапках.

И тут же по всем законам драматургии пошел дождь, мусорный бак наполнился глухими звуками от падающих капель и одному только аллаху, или еще кому-то из них, было известно – по ком звучит сия затянувшаяся на всю осень барабанная дробь.

ПОЗЫВНОЙ

абонент доступен будет завтра
может быть почти наверняка
если не скончается внезапно
не дождавшись твоего звонка

набери его на той неделе
или через месяц набери
денется куда он в самом деле
черт его конечно подери

все что умирает – не смертельно
просто переходит на жильё
где-то на окраине вселенной
или за окраиной её

ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЕ ШТУЧКИ

Написать о феврале навзрыд может каждый интеллигентный человек.

Что, собственно, и происходит с каждым интеллигентным человеком в первые часы ночи, особенно когда он знает, что утром придется рано вставать, а вставать не хочется, да и не с кем.

Именно тогда на свет извлекаются чернила, выныривает из шкафа котомка с гусиными перьями – такими жирными и невероятно отдающими хреном: слезоточие сидит в крови каждого интеллигентного человека, его надо только незаметно сконцентрировать в той самой детской области припухших желез и вот уже глаза начинают наливаться алым чувственным соком, который, не дожидаясь переброжения

(выверен, аки Бродский, поговаривали древние иллюзионисты), сразу норовит брызнуть на подставленные по этому поводу бумажные блюдца...

В чувственном запасе у интеллигентного человека содержится столько недорогих штучек, с которыми жизнь в начале ночи становится много привлекательней!

Ну, например, старые отрывные календари, где на каждой (почему-то не оторванной) странице, доисторическим почерком высечено: "Сегодня! Обязательно позвонить Марго...".

Интеллигентные люди отрываются на таких календарях по полной программе...

– Как? Неужели это был понедельник? когда мы шли по аллее и тонкий стержень ее взгляда ковырял мои нежные фантазии – надо же, когда-то и понедельники могли приносить ощущение счастья... Этот восход солнца... Продолжительность дня... Луна в зените...

И от этой "продолжительности дня", которая в том далеком незабвенном прошлом интеллигентного человека действительно еще была...

Впрочем, хватит уже.

Издеваться над интеллигентными людьми дозволено каждому интеллигентному человеку, однако даже ему уже надо иногда совесть иметь!

Кстати, это ничего, что иногда я пишу такими длинными фразами?

Просто слезы мои о феврале такие же длинные, застоявшиеся, спутанные в клубок, слезы, из которых любая добрая старушка сможет связать весьма теплые, узорные домашние тапочки, равно как и носки, или даже свитер – на очень скорую зимнюю распродажу...

РЕМОНТОСФЕРА

– Взорвался! Нет? Сейчас выброшу еще один... Взорвался? Тоже нет? Ну тогда – все! То есть, как все? Мешки – все! Ну а доски придется на руках...

...Целый месяц у соседей шел ремонт, а по всему дому шло глобальное переселение тараканов, ну да вы в курсе...

О проникновении автодрели в область утреннего подсознания тоже написано немало...

– Дыр-р-р... Быр-р-р... Дыр-р-р-быр-р-вау-у-у-щир...

И вот теперь эти два страшных, невидимых доселе человека наконец-то обозначили

себя...

И понеслись из окна верхнего этажа бесконечным целевым потоком мешки сэкономленного цемента, извести, мела, пластмассовые упаковки со шпаклевкой падали так, словно в последний раз...

– Ничего не забыли? Ну, поехали!

Вот и все. Теперь это уже исторический атмосферный факт – свершилось: машина со страшными людьми и их нечеловеческим грузом оторвалась от двора и, медленно развернувшись в воздухе, начала набирать высоту... Я видел, как отвалилась от нее первая ступень, затем вторая... И стало кругом тихо, как в аптеке.

А на сайте новостей в тот же день появилось сообщение, что "по расчетам астрономов, дата столкновения астероида Апофис с нашей планетой состоится 13 апреля 2036 года – Апофис проникнет в атмосферу Земли и...".

Бр-р-р, конечно...

Но вот теперь я думаю: мир – не без добрых людей, кто-нибудь, да починит, кто-нибудь, да спасет!

А НА ЛУНЕ

а на луне как на луне
в любое время года
вполне обычная вполне
привычная природа
колышет лунный ветерок
вершину лунной вишни
под нею лунный носорог
соорудил себе чертог
а лунный лунь чуть выше
чудесна к вечеру луна
и звуков мыслимых полна
от края и до края
чу! танцы лунных муравьев
чу! осыпь ягодных даров
страницы лунных берегов
морской прилив листает
чу! лунный жаб опять чудит
нажравшись лунной ряски
да запыхавшись лунный кит
с чукотки лунной семенит
на лунную аляску...

в общем, как-то так, говорят...

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Большинство поэтов пишут про любовь вообще и только некоторые – про свою собственную.

Любовь вообще – греет, в то время, как от своей собственной можно запросто замерзнуть, простудиться и склеить коньки.

– Простите, а вы не знали поэта такого-то? Нет? Ну, уже все равно поздно, он сегодня скончался, похороны назначены на сентябрь... Говорят, сильно переживал последние сорок лет, да так и умер над строчкой в сердечном ознобе... Бедный, мне его так жалко...

Некоторым поэтам не хватает элементарного медицинского образования или хотя бы – регулярного изучения брошюры по вопросам сердечной гигиены...

В то время, как большинство из них знает про любовь почти все, что необходимо знать о ней просвещенному человеку.

О ТРУДЕ ПИСАТЕЛЯ

Я понял!

В основе писательского труда лежит не желание сказать миру что-то важное (кто он вообще этот мир, чтобы говорить ему что-то важное?), не природная ненависть к живописи, классической музыке, скульптуре и зодчеству, нет!

В основе писательского труда лежит огромная любовь – к буквам!

Вы только посмотрите, какие они красивые и настоящие, какие у них стройные, отточенные линии и офигительнейшие овалы!

Уже на первый день своего скромного труда, любой писатель проникается к буквам такой нечеловеческой силы любовью, что произносит им на ушки: "Плодитесь и размножайтесь!" и они тут же начинают плодиться и размножаться...

БАБУШКА ПРИЕХАЛА!

Сегодня на меня навалилась гигантская простуда и придавила к ногтю.

Я дергался, пытался сопротивляться гантелями, но что насморку до бутонов моих распутившихся бицепсов?

Кашель, появившись еще в Даугавпилсе, вроде как предупредил: погоди, Женя, скоро и сама бабушка Извергиль заявится...

Бабушка появилась вся одновременно, целиком, спустя пару дней, с чемоданами соплей, котомками тупой головной боли, я вежливо ей улыбался сквозь накатившие слезы, а она все затаскивала и затаскивала багаж с лестничной клетки в переднюю... Одинокому живущему мужчине трудно устоять перед железным напором истосковавшейся по нему леди.

Очевидно, надолго – подумалось мне...

– Это уж как получится, – приободрилась старушка, переоделась в домашнее и обнажила свои зеленые зубы.
Теперь мы сидим с ней у закрытого окна, попиваем чаек без малины и пересматриваем свое отношение друг к другу...

ЧЕТЫРЕ СТЕНЫ

Пожалуй, я ее так и назову.
Это будет книга для одиноких людей, таковыми не яв-ля-ю-щи-ми-ся.
Это будет книга одинокого человека, писанная для других одиноких людей про их необъяснимое совместное одиночество.
Это не будет книга судьбы, потому что судьбу каждый выбирает себе сам, это будет, скорее, книга обстоятельств:
- места
- времени
- образа бездействия
И не говорите мне ничего про ироническую прозу.
Это будет книга-окно, книга-дверь, книга-прорыв,
книга-картина-репина-бурлаки-на-стене!
А на вырученные за нее деньги я, наконец, куплю себе красивую, молодую, спортивную и добрую девушку.
Мы будем с ней жить долго, и счастливо, и никогда не умрем – ни в один день...

ПУТЕВАЯ ПЕСЕНКА

между нами 10 000 шпал
если бы по шпалам я шагал
если бы по этим шпалам шел
сам себе телега и котел
если бы по шпалам этим полз
черный от густых мазутных слез
мимо деревень и городов
где любовь – оседлая любовь
где растят мимозы и детей
радуясь оседлости своей
только на зеленый и с гудком
выпуская пар парам-пам-пам
шел шагал шмыгал шустрил ползком
и считал считал считал считал
я себя считал бы чудаком
ну а так – обычным мудаком
литерным – об этом и стишок:
сотня слов на восемнадцать строк

КТО Я?

Я не помню, говорил ли я вам, что у меня склероз?

Однако всю последнюю минуту я помню от клюва до хвостика: выпил от кашля, выпил от носа, выпил от горла, выпил от почек, выпил от температуры, выпил немного для храбрости и теперь сижу перед зеркалом и хорохорюсь, как шерстоперая растрепанная курица...

ЕМ РЕДЬКУ

tv htlmre...

Это я хотел набрать на клавиатуре "ем редьку", но клавиатура заангличилась, получилось что-то про ТВ и почти про хтмл... или про "умре"...

Но нет, мы не умерли, мы едим редьку, никакого телевидения, никаких мировых новостей, только одна – мы живы, отлично себя чувствуем, у нас отличная голова и превосходное сердце (врачи добавляли: "Для вашего возраста", но какой, к черту, возраст, я почти что младенец, меня можно кормить и поить из сосочки, пеленать, приговаривая, ах ты мой милый, ты мой хороший, ты поел, ах какие у тебя щечки, золотко же ты мое!)

Едим редьку, выводим холестерин, пишем буквы, значит что-то одно осталось, как было...

Не говорите мне о вечности, она – прошла.
Впрочем, не в последний раз.

РИСУНОК

*"...Если только можно, Авва, Отче,
Чашу эту мимо пронеси..."*

Борис Пастернак

наверное я верю богу больше
чем тот кто в храме зажигает свечи
целует крест
и прочие дела...

наверное я больше доверяю
ему свое здоровье и удачу
без лишних о себе напоминаний
уверенный: увидит и спасет

наверное мой мозг не так устроен
чтоб докучать всевышнему молитвой –
набором слов в хроническом наборе

и аз к тому же ведает склероз

наверное душе моей уютно
в его нечеловеческих ладонях
тепло кружить меж линиями жизни
и лнуть причастьем к линиям любви

и оттого что бог не просто слово
я напишу его с обычной буквы
не стану рифмовать его с порогом
да и вообще не стану рифмовать

но главное – оставляю выше строчек
цитатой из любимого поэта
а бог прочтет мой стих и улыбнется
как солнце улыбается траве...

ГРАММАТИКА СЛУХА

Уже пару лет я живу с животрепещущим свистом в левом ухе.
Будто бог говорит мне: я тебя постоянно слышу, Женя, будь умницей.
Работа учителем в школе-интернате делает мою жизнь жестко осмысленной, жирной от содержания.
Я учу детей фотографии – то есть обратному и сиюминутному облику вечности.

– Вот, – показываю я им, – пчела, которой уже нет. Вот цветок, которого уже нет. Вот – лужа, вот – тень от солнца...

Вот метафора, которой уже нет, потому что она уже есть...
И глубоко в небо уходящая линия, перпендикулярная горизонту – бесконечность непознанного смысла.
Объект перспективы.

БЕРЕГ СОЛНЦА

листья опали
я наконец увидел местность в которой живу
тонкая улица медленно уходит вверх волоча за собой фонари
свет их желт и такая нездоровая желтизна к лицу нынешней осени

– Зажги свет, но не буди меня, я смотрю сны, они чудовищны, но не буди!
– Не буду.

я конечно помню твой голос, но давай считать что это галлюцинация

мне сейчас надо дописывать драму, находить слова, порождать много образов из одного, пережить свою жизнь – должно быть, это знакомо присутствующим – пережить свою жизнь... вы ведь понимаете о чем я говорю

герой моей драмы человек взволнованный

– Ты бросила нас и это не сон! Чудовище ты сама и даже Женя тебя так называет!

восклицательные знаки здесь лишены восклицания
никто не кричит, никто не повышает голос, ни для кого ничто не является больше тайной
и пусть моя драма станет литературой одного голого факта, пусть так

мы шли по ночной дороге и желтый шахтерский фонарик на голове приманивал бабочек
все лицо было в бабочках
идти, держась за руки, в чужой дом, ставший родным, с чужим человеком, ставшим
родным, с чужой судьбой, ставшей на время твоей

это тоже была осень во всех отношениях

– Что ты увидела там на потолке?

позже я узнаю и мне станет грустно

я сделаю вывод, что на потолках никогда ничего хорошего написано не будет
что на них треснутым почерком пишутся тайные замыслы
что там, сложив крылья и запрокинув тормашки, переживают себя те самые бабочки
грустно иметь весь потолок в них

но времени не было, его вообще не существует там, где люди превращаются в образы

мой герой доживал последние дни – героям легко доживать, особенно литературным

он прощался с собой, как дерево осенью прощается с листьями, выжав из них последние соки – совсем незаметно для себя

сегодня он, наконец, видит местность, в которой живет
видит тонкую улицу, уходящую куда-то вверх
понимает, что пережил свою жизнь
и любовь его осталась на дороге в чужой дом, ставший на время родным, с чужим
человеком, ставшим на время родным, с чужой судьбой, ставшей на время его
собственной

потому что любовь это когда все лицо – в ней

PAST PRESENT

Все-таки любопытное чувство – любовь...
Если действительно была – не проходит.

ТЕПЛАЯ СТРАНА

Я положил горчичники на грудь.
Сверху положил пухлую газету, чтобы тепло не улетучивалось...
Еще сверху – пухлое полотенце.
Еще сверху – пухлую подушку.
Еще сверху – матрац, потом кровать, журнальный столик, ковер, потолок, крышу нашей хрущевки, косяк улетающих журавлей...
Хотя последние теперь могли бы и не улетать!

ОВСЯНКА ДЛЯ БАБУШКИ

К вечеру решил накормить бабушку Извергиль овсяной кашей (на картофель она, кажется, основательно подседа, требует его еще и еще, отсюда покидать мои гостеприимные окопы уже совсем не собирается), ну а поскольку благодаря моему ИЗДЕВАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ гонорары за героический труд Орлова в августе до сих пор не перечислены (вот банкирам, бля, засада! скучают, милые мои, без кропотливой работы по перечислению копеек из пустого в порожнее), к овсу было предложено все, что еще осталось в холодильнике и его ближайших окрестностях на случай гражданской войны, то есть: вода, соль, сахар и, конечно же, спички.

О том, что каша в итоге слегка подгорела, говорить не будем (я никогда не умел своевременно осознать и предвосхитить этот стремительный переход хрупких овсяных опилочков из состояния "снежинки" в состояние "не подходи, падла, приклеюсь!"), другое дело, что в отсутствие молока мне обязательно хотелось как-то придать будущему кулинарному изделию хоть какой-то отличный от лошадиного вкус (была замечена дерзкая по красоте идея добавки в него в качестве особых специй небольшого количества горчичников и перцового пластыря, но они оказались просроченными – то-то я их на себя клею, а они говорят: зря!), поэтому под конец кашеварения я забабахал в миску с уже застывающим гастрономическим цементом такое количество песочного сахара, что целая строительная рота могла бы на его основе всю неделю работать в глубоком тылу противника исключительно из любви к сладкому, короче, я вот теперь сижу и думаю, пока темно: выковыривать и выбрасывать эту кашу за окошко по-отдельности, ложку за ложкой, или все-таки, как оно есть, целиком, с миской?

ЦВЕТОЧКИ

Есть в моем городе улица Свободы, бывшая Ленина, стоит на ней церковь Александра Невского, сидят на ступенях и рядом старушки, иногда полулежат, бумажные

стаканчики то в руках, то у ног, дело привычное, чего уж...

Шел мимо с обеда (знаю одну дешевую, но очень вкусную столовку, что по нынешним временам – парадокс), солнце – ну просто красавец! тепло-тепло! и церковь такая желтая, как светило...

У перекрестка – бабушка: грязненькая такая, оборваненькая, низенькая совсем, протягивает к машинам лапку с зелеными цветочками, купите, мол, люди добрые, за пару центов, люди добрые стекол не опускают, бабушка поднимает к небу плечики, лапки коротко разводит, как же быть, не хотят, люди добрые...

Подхожу к ней, достаю из куртки медную сдачу (я редко подаю, можно сказать, совсем не подаю, потому что в последние годы – мне бы кто подал, но тут – солнце просто красавец, тепло-тепло, церковь такая желтая, бабушка такая низенькая, оба мы рваненькие), нате, говорю, не надо цветов, просто так возьмите...

Она как-то нестрашно смотрит на меня огромными круглыми глазками во все свое маленькое личико, которого я не вижу, потому что все ее личико – это два ее огромных неловких глаза, берет денежку сухой птичьей лапкой, понимаете же, говорит, я же не могу, говорит, вот так, просто, как другие, с протянутой рукой... я ведь все-таки – поэт... понимаете? меня даже в газете печатали, а цветок не покупают, но я не могу как эти – просто руку протягивать... хотя им – дают, пьяницам, бумажками дают, я же видела, а я – не могу, я же все-таки – поэт... вы меня понимаете?

Вот оно как.

СЛЕДУЮЩАЯ ЭПОХА

Однако, жизнь – налаживается. Это я не про себя, это такое утверждение, некая модальность, типа: жизнь можно наладить, как и любой другой механизм. Есть, наверное, у жизни разные там гаечки, шпунтики, винтики, кантики, паровые котлы...

– Товарищ! Рихтуй и гладь свою альма-мать!

– Гаечный ключ пришел на смену коровьему вымени!

– Которые тут молочные? Вылазь! Кончилось ваше время!

Мы забрались в тамбовские дерби.

Мы живем в эпоху, следующую за любовью.

Мы живем после любви, надежды и веры.

ИНЖЕНЕРНЫЙ ЗАМОК

у господ все на сборке
на склейке и на болтах
на спицах и на иголке
в нетвердых его руках

старается добрый боже
всё щурится в проймы линз
да только создать не может
задуманный механизм

ну вот например снежинка
летающая деталь
а для шестеренки – жидко
не выдержит долго... жаль

живое – увы – не вечно
а мертвое – хлам утиль
скрути тут поди безгрешный
перпетум его мобиль

но где-то в иной вселенной
на облаке но ином
сидит мужик вдохновенный
и думает об одном:

вот есть ничего и глина
да света тугая нить...
каким бы путем недлинным
все это – соединить?

ГОНКА

Слушаю лыжный марафон, завершаю халтуру для литовского сайта, пью водку, курю электронную сигарету – чудовищное сочетание никакого с возвышенным.
За окном поет (о, черт!) я никогда не знаю ее названия, крошу черного хлеба прямо на балкон и тут же отбегаю, потому что иначе она меня боится...
Волежанин идет пока двенадцатым... Губерниев надрывается: "Волежанин идет пока двенадцатым!". Боже, какие красивые фамилии...
– Лыжи норвега лежат на пит-стопе (чем не поэзия?), тридцать секунд отставания, Нурдуг уже отваливается...
Сайт для литовцев я завершаю вторую неделю, работа скучная, надо загонять в переводчик английский текст, потом смеяться над тем, что получилось, переписывать на русский манер...
Ну да, я – специалист по русским манерам...
В почте – поздравления с Днем защитника Отечества... чего? переспрашиваю...

"Отечества", отвечает латышская почта...

Ну, вы меня поняли.

Продолжаю крошить слова на литовский портал, крошу, потом сразу отбегаю, потому что иначе работа меня боится...

А впереди – еще целый рабочий день и два километра до финиша...

Боже, как же красиво она поет и нет в этом никакого высокого смысла!

– Хорошая сегодня гонка, – уверяет Губерниев.

НЕ ПИШЕТСЯ

звезда

не хотела падать

желание загадав

я ей объяснял

что – надо

и тыкал в звездный устав...

Дальше придумайте сами вот до этого места:

тогда – исчерпав мотивы

я довод придумал – жечь:

что падать звезде – красиво!

что пошло звезде – висеть...

и так далее

PRESENT FUTURE

наступило утро следующего дня

НА ОТДАЛЕНИИ

Помогал дочке сдавать вступительный экзамен по русскому языку в РГГУ на отдаленном доступе – через интернет... (любопытно, правильно ли я составил слова в этом простом и весьма распространенном предложении?).

Вы когда-нибудь сдавали экзамены на отдаленном доступе?

Нет, это не те привычные экзамены, когда приходишь в аудиторию, берешь билет, садишься за парту и можешь прямо (и самое главное – смело) думать об экзаменаторе все, что ты о нем вчера говорил, нет!

Завалив экзамен на отдаленном доступе, ты уже не сможешь брызнуть на профессора скупой девичьей слезой, пока тот разыскивает по карманам сюртука заблаговременно стибренные у него окуляры...

– Честное слово, я же учил! Ну, спросите меня еще раз и убедитесь, что я все знаю на

отличную тройку!

Нам надо было за два часа чистого времени ответить на 44 вопроса предложенного РГГУ теста...

Как гуманитарий с высшим филологическим образованием без опыта его применения в течение последних 26 лет, после каждого вопроса я судорожно пытался хотя бы краем хоть какой-нибудь извилины зацепиться за борт корабля под названием "Память о русской орфографии", однако вскоре выяснилось, что цепляться мне было особенно не за что...

В итоге — сдали мы экзамен на отметку 59, 7 (это из 100 возможных), что невозмутимая программа тут же и округлила до 60 процентов (как раз — проходной балл, ура!), а это значит, что в четверг мне теперь придется сдавать английский, в понедельник — творческий экзамен (любопытно, не заставят ли Женю писать что-нибудь в рифму, вот будет хохма), ну а потом наступит очередь великой и могучей русской литературы... К которой я тоже имею весьма отдаленное отношение.

SHIFT

Теряюсь в словах на стадии мысли.

Ну вот...

Пропустил слово "формирования"...

Пропускаю слова вперед, как женщин в двери...

Начала дергаться лампочка, ага, сейчас перегорит, а впереди ночь, а где я ночью куплю новую и на какие средства куплю новую утром?

Столько вопросов, и все — слова, слова, слова...

Моя клавиатура вся в меня и не любит запястье, ставит нехотя, если бы не безымянная мощь среднего пальца — ставила бы точки...

Вот shift!

Слежу за сдвигом в мире, за сменой в мире, за переключением в мире, вот же shift... И там тоже ощущается безымянная мощь среднего пальца...

Гумно, говорю, гумно.

И лампа сгорает.

ГОЛАЯ ПРАВДА

Конечно, это русские виноваты. И даже в самом слове "вирус" есть что-то русское...

Но я бы хотел о другом — о халатности. Благодаря другу в моей жизни появился домашний халат. Друг привез мне его в больницу на второй день после операции и я сразу ощутил себя чрезвычайно халатным человеком! Жизнь повернулась ко мне своей мягкой стороной, с двумя еще пустыми, но уже оттопыренными карманами и, мама родная, каким необычайно верным поясом, закрепленным в районе моей гипотетической поясицы двумя небольшими кольцеобразными фиговишками... Ну прямо свадьба в Малиновке, честное урологическое! Однако, распластанный на больничной койке халат источал некоторую развязанность... Тупо разинув махровую

пасть, он медленно рассматривал меня - абсолютно голого и вот уже пять дней как покладистого – всей своей заматеревшей поверхностью, как бы примеряясь и раздумывая: а по размеру ли я - ему? И стоит ли набивать его нежную утробу первым под рукав попавшимся стихопрозопроизводителем? И не лучше ли поискать в этом небольшом, но довольно-таки клиническом пространстве, нашпигованном дренажами и катетерами, натуру более, скажем так, аппетитную... В общем, не знаю, чем бы всё это закончилось, но для того и нужны на свете настоящие друзья, чтобы не давать разным там халатам... Друзья! Дорогие мои друзья...

НА ГИБЕЛЬ ВРАГА

Я никогда не желал ему плохого.
Вот почему не ощущаю ни радости, ни победы.
Просто ничего не ощущаю.
Хотя это как-то не по-человечески, надо бы радоваться...
Или хотя бы делать вид, что огорчился...
А у меня – пустота.

Это 21-й век, мой генерал.
Ты не видишь лица своего противника, мой генерал.
Ты не помнишь запаха его пота в рукопашной.
Ты просто нажимаешь на красную пластиковую кнопку забвения и знаешь, что взрыв произойдет далеко, ты его даже не услышишь.
А потом идешь пить чай с пончиками и читать завтрашние газеты.
Словно ничего уже не произошло.

ЭПИГРАФ

В человеке не все должно быть прекрасно, кое-что должно быть и как у всех.

ДОЛГОЖИТЕЛЬ

метеозависимым
назови меня
говори: в твоём теле – нет жизни
и смертью дышит каждая клетка
от того что – облако не такое как надо
ветер сменился
птицы умолкли
любви витамин – кратковременной химии лекарь

не спору
голова забита фрагментами тел

с отпечатками пальцев убийственной памяти

такое вот в целом
кислородное голодание

зимой
когда воздух тягуч и тонок –
замучаешься набирать

ПРОФЕССИОНАЛ

...насмотрелся за год сериалов про ментов, поэтому хочется сказать следующее:

– Я – жур. Профессия не очень перспективная. Скажи, ты уверена, что желаешь сломать свою жизнь? Не спать по ночам из-за стука клавиатуры и света настольной лампы? Получать огромные счета за электричество и дышать занавесками, насквозь провонявшими никотином? Скатерть... Тебе действительно нравятся грязные, замасленные скатерти? И эти мои идиотские интервью по телефону? Я – жур, понимаешь? У меня никогда не будет настоящей семьи – только розы в мозгах и пять-шесть дежурных вариантов для начала статьи...

КТО ЕСЛИ НЕ ТЫ

Конечно, Тарантино – стильный.

– Кто у нас крутой?

– Я у нас крутой...

– Ты очень, очень крутой!

И пока мистера Рыжего укладывают на пол, я буду думать о поэзии. Тем более, что мистер Джо скоро приедет и о нас позаботится.

Мне всегда не по душе, когда автор просит отделять его лирического героя от него самого. Как плевро от зерна. Матку боску от младенца. Я – не я и лошадь не моя, пусть теперь другие разбираются – чья... И другим – приходится. Пить из лужи бутафорскую кровь, грызть бутафорский гранит замысла...

– Скажите, это не вы только что сейчас стреляли? Нет? Тогда, значит, мне послышалось...

Конечно послышалось, потому что никто, собственно, стрелять и не мог, ибо отделен от своего лирического героя, как муниципальный полицейский от боевого оружия: только электрошок, протокол и наручники... (Что ты сейчас хотел сказать, Женя? Ну, что хотел, то и сказал).

А теперь - о главном.

– Среди нас точно есть крыса...

Я вздрагиваю при этих словах, потому что понимаю: начался разговор обо мне.

Литератор-предатель. Работает под прикрытием. Говорит: "Поэты, поэзия", а сам уже давно не придает этим словам никакого серьезного значения.

Да, я не люблю слово "искусство", потому что родился в театральном общежитии и навсегда запомнил уставшее лицо матери после очередного спектакля. Уставшее лицо и – чисто по инерции – все еще осанка королевы из комедии Гоцци. Я никогда не отделяю себя от своего лирического персонажа и даже иногда – с течением времени – становлюсь им, потому что больше становиться мне просто нечем.

Бывшие коллеги по газете спрашивают: "Неужели тебе не страшно, что благодаря твоим стихам теперь все про тебя все знают?", я отвечаю: "Нет, ну ни сколечки!" и тут же прячусь под лавку, или забираюсь в багажник проезжающего мимо автомобиля.. А по ночам, в одиночестве, смотрю фантазии Тарантино, пью липовую кровь и поджигаю крысиный хвост, потому что все, оказывается, про меня все знают и только я про себя – ничего...

Тут-то и появляется заботливый старичок мистер Джо. Руки его по локоть в карамели, из кармана торчит пилорама...

– Прости, сынок. Ты имеешь право на страх. Ты вел себя очень храбро. А теперь – отдыхай.

ХРОНИКА ДНЯ

Вот только что заметил, что не получается вести диалоги с самим собой - собеседник не дотягивает до надлежащего уровня.

ВОВКА

это было в тяжелый для меня год, наверное, тяжелейший
стоял жаркий май, я сбежал в Саулкрасты, голый, босый, без копейки, поселился на даче у знакомого

когда видишь свою никчемность и ненужность – никого не хочешь видеть, видишь одного только себя: никчемного и ненужного

я думал, что не смогу повеситься, но был уверен, что по силам будет утопиться, нужно только набрать побольше воздуха и нырнуть, а там - держаться как-нибудь, в глубине, не выпуская воздуха из легких, затаиться, рассматривать рыбок, и все это будет – смерть

на даче была кладовка и холодильник, в холодильнике не было ничего, а в кладовке стояла банка просроченной сгущенки и оставленный на черный день зеленый чай

я почти всегда вру, когда пишу воспоминания, вот и теперь тоже

были какие-то сантимы на какую-то картошку, лук и леденцы

не было – на сигареты, а без сигарет я никогда не жилец

остальные подробности опускаю

однажды вечером Вовка позвонил, почти извиняясь спросил, как я?

– Честно? Хожу вдоль моря и подбираю себе камень на шею...

Вовка снова каким-то детским совсем и нежным, как пух, голосом, начал просить у меня прощения, за то, что не может никак помочь, у него самого на карте совсем немного, а надо на то, и на это, и весь в долгах, и на работе не платят, кризис... в общем, мы несколько раз извинились друг перед другом за то, что вот такими друг

другу – достались...

утром Таблер позвонил мне снова

– Жень, а где ты там, в этих Саулкрастах? Я подъезжаю, осталось несколько километров...

"скорая помощь Владимир Таблер" проделала 400 км, привезла мне еды, сигарет, которые в Литве были всегда дешевле, на заднем сиденье машины лежала гитара... я мог бы много написать про эти два дня и наши с ним разговоры, только не буду мы гуляли вдоль моря, оба – непутевые, строящие планы и не знающие об изнанке своего будущего

вечером посидели у костра, Таблер, как всегда, приготовил на шампурах сардельки и, как всегда, они у него подгорели

потом он для меня пел

утром Таблер уехал, его ждала работа и какая-то совсем иная жизнь

через год Вовка умрет, я отнесусь к этому, как к факту, который еще следует доказать иногда мне кажется, что я позвоню ему в Каунас – и он приедет

КАМЕНЩИК

дыра образовалась в никуда

в нее не пролезают поезда

тем паче корабли и самолеты

непроходима даже для пехоты

дыра – непроходимая дыра

нет щелки для гусиного пера

для звука поэтической трещотки

для света ослепительной звезды

для капли водки

и живой воды

изобретатель смастерил расчеты

теперь ты проживаешь без чего-то

чем прежде прожигал и дорожил

и кажется – не сложная работа:

сказали доживать и ты дожил

КАК СЭКОНОМИТЬ ВЕЧЕР

Каждый раз, когда мне хочется что-то сказать, я задаю себе вопрос:

а достаточно ли в тебе слов, чтобы сделать это в прозе? а достаточно ли в тебе звуков, чтобы сделать это в стихе?

Хотя надо было бы спросить: а достаточно ли в тебе – тебя, чтобы вообще это сделать?

FUTURE PERFECT

Будь что было!

ОТСРОЧКА

Пью сгущенку из банки (выплатили гонорары), читаю рецензии на книги, которые мне не хотелось бы читать (ни рецензии, ни книги) – читать вообще скучно, потому что любое чтение (как и любое писание) – это всего лишь отсрочка, это ожидание настоящей жизни, которая вот-вот уже очевидно скоро обязательно когда-нибудь начнется же наконец...

Вот это будет жизнь! Всем жизням жизнь! Это будет пафос и любовь без границ, только любовь, и пафос, и земляничные поля рядом с пляжем, и арбузные, и маковые, и аромат, аромат, и обязательно утесы, утесы, утесы, и маленькая девочка приносит тебе сопочек и утвердительно просит: поиграй со мной, папа, а тебе именно этого и хочется – только играть, и копать, и поливать это морской водой, и говорить ей "за-мок, повтори за мной: за-мок", а она поджигает губу и сосредоточено ковыряет сухой палочкой влажный песок и принципиально не повторяет...

Вообще-то, в целом, я не люблю детей, потому что многое в них мне не нравится.

В первую очередь – незнание ими стихов раннего Пастернака (а о чем вообще можно беседовать с человеком, не читавшим стихов раннего Пастернака?).

Хотя и детство это тоже отсрочка.

О ВЕЩЕ

Снова не о том думаю.

Какие глаза у снега?

Чем пахнет определенность?

Если умираешь во сне, то что происходит с этим самым сном? обрывается?

У меня давно нет вдохновения, его заменяет одинокость – кость в горле.

Не болит, мешает глотать слова, слова столпотворятся на входе и устраивают потасовку.

Развлекают.

В принципе – это никуда не бродячий хазарский цирк.

Бум-би-ди-дум-бу – произносит мой внутренний слух.

Нет, из этого не выйдет стихотворения – думаю я, обращаясь к словам – но вполне пригодится для новогодней репризы...

И вот тут раздается барабанная дробь, от которой закладываются заячьи уши в ближайшем ломбарде, а на арене появляется рыжий клоун – в джинсах и бутсах. Бум-би-ди-дум-бу! – членораздельно провозглашает он своим густо намаженным ртом и вонзает шипы в красные от слез икры клоуна белого.

Публика заливается приторным смехом.

Если бы я заранее позаботился о занавесе, он бы в этот момент опустился.

Но я никогда не думал о занавесе, тем более – вовремя.

Весь вечер я думал о снеге, о глазах, о смерти, мне было больно от мысли, что ты тоже когда-нибудь станешь старой и еще от того, что очень скучаю по твоей песне о вещем Олеге, так скучаю, что завидую неразумным хазарам.

ТАК

Я вот все время думаю: зачем люди пишут стихи?
Не почему, а – зачем?
И если стихотворение – не послание, то зачем оно?
Если стихотворение не письмо, не телеграмма, не тоненькая стрелка мелом на углу здания...
И если ты не Робинзон Крузо, зачем ты пишешь?

ШВЕЙЦАРСКОЕ

моя внутренняя швейцария открыта для беженцев и воров:
заходите
торгуйте
крадите
живите
вечно

есть две вещи
которые не позволят вам страшный швейцар орлов:
проносить в нее мир без дочерней любви
и тащить за собой меркантильно настроенных женщин

ешьте сердце и печень – не все же в швейцарии сыр
виброголосом шпарьте тупые тирольские песни
заходите
торгуйте
крадите
весь этот мой внутренний мир
только в самое темечко – будьте любезны – не лезьте

у меня там сверчок
вот и ладно – обычный сверчок
он не стоит ни цента и обществу не интересен

ПОСЛЕДНЯЯ БУКВА

Сегодня у меня спросили, как я отношусь к тому, что меня как поэта – не знают?
нормально отношусь... я сам себя как поэта не знаю.

ВРЕМЕНИ НЕТ

Времени нет (я об этом уже говорил?).

Если бы время действительно существовало, оно обязательно завело бы себе какое-нибудь домашнее животное или любовника, потому что скучно жить без домашнего любовника или животного.

Кстати, о кактусах – оно завело бы себе кактус.

И, конечно, отдельную квартиру с кроватью, потому что трудно жить с любовником, не имея кровати.

Жить – это вообще трудное занятие.

Оно отвлекает от главного, с утра и до вечера заполняя часы чем-то второстепенным: крупными крошками на полу, километрами выброшенных бумажных салфеток, завязыванием узлов на кроссовках...

– У меня нет времени жить, – жалуется она подруге, чтобы та ей посочувствовала.

– У меня нет времени привести себя в порядок, – делает вид, что оправдывается она перед хранителем своего тела.

– У меня нет времени на телячьи нежности, – говорит она своему близкому другу и выходит замуж за другого такого же парнокопытного.

Ни у кого нет времени, чтобы было время.

И если бы время существовало, то оно обязательно нашлось бы.

По тому самому адресу, где на подоконнике, среди пышных колючек, распускаются лепестки перистых восходов...

И один только уравновешенный до мозга когтей попугай ощущает

насколько едва-едва, нежно-нежно

раскачивается в пространстве,

безвоздушное

дыхание вселенной:

туда, сюда,

туда, сюда...

БЫТ

Сегодня я собирался лечь спать пораньше, но неожиданно забыл зачем.

ПРИПЕВ

человек уходит в небыль

он идет туда где не был

ни геолог ни разведчик

ни космический турист

перед ним пряма дорога

от порога до порога

зрады нет и перемоги

и простор безумно чист

он не может потеряться
но не может и остаться
хоть для этого нашлось бы
много маленьких причин

человек уходит в небыль
потому что песня спета
потому что это треба
и к тому ж — не он один

ПАНДЕМИЯ

События последних недель почему-то заставили меня пристраститься к мытью посуды. Вот даже поесть толком не успеваю и сразу бегу мыть свою любимую тарелку: мою, мою, мою, и вот она уже лежит на столе - такая чистенькая, такая лучезарненькая... Любовь к мытью тарелки заставляет чаще питаться. Любовь — это вообще делать что-то чаще, чем прежде и даже чаще, чем хотелось бы... Любовь делает человека чище, а любовь к мытью тарелки делает и тарелку намного чище, чем это, наверное, хотелось бы и ей самой... Но любовь к мытью любимой тарелки — односторонняя (какое хорошее русское слово), хотя само её мытье, конечно, двухсторонне... Иное дело — сковорода, которую не хочется мыть с тыла, да и вообще... Зато мытье кастрюли вызывает глубокие размышления... Это вам не поверхностное мытье рамы с одной только нескончаемой мыслью: когда же эта рама, наконец, закончится? При этом рама может никогда не закончиться, а вот кастрюля, она — конечна. И тарелка конечна, и ложка, любимая к обеду... Поэтому — приятного всем аппетита, несмотря на события последней недели, последнего месяца и последнего года, последних десятилетий и последних пробежавших веков... Моем руки перед едой, моем тарелку — после, и так — до бесконечности, до самого её конца, пока есть еще макароны и любовь к этому нехитрому занятию: мыть-варить-жить!

ПИР ДУХА

никто никому ничего никогда
пропитаны солью земля и вода
и небо утыкано солью

как звезды под утро уже не видны
так мертвые — необозримые мы
ничьей не вернемся любовью

свой век доживать это все-таки мгла
озерам плевать что они зеркала

пора демонстрировать ясность

пора превращаться в порядок вещей
и это не сказка – природный кашей
уже присмотрел твоё мясо

казалось бы мелочь – и сам хоронил
казалось гостей навсегда накормил
казалось что не возвратятся

а вот уже видишь: глядят и глядят
и ждут что однажды придут на тебя –
не слушать и не любоваться

И НАОБОРОТ

Тяга к безобразному – это тяга к образному, ибо прекрасное однообразно.

ВОЗРАСТ

Я говорю: жизнь это круг.
Она улыбается: жизнь – это спираль...
Она смотрит на жизнь сбоку, я – сверху.

НАСТРОЕНИЕ

Почему-то из жизни ушла грусть – вот, кажется, недавно ещё сжирала и вдруг – нет её...
Насытилась?

И вечера сразу стали пустыми, бессмысленными... снова появились многоточия... не
люблю многоточия

Да, я тоже смотрел "Оттепель", и уже написал кое-что в Живой Журнал, но потом стер,
зато хочу сказать: не бывает победы, когда нет противника.

У меня нет противника, поэтому я мало радуюсь, переживаю, даже грусть от меня ушла,
а теперь ещё эти многоточия...

Нет, в принципе – у меня есть противник, и он даже посильнее, чем у некоторых, он –
весь наш мир, но, увы, он не обращает на меня никакого внимания, даже не поднял
перчатку, не слышит выстрелов моих орудий, идёт себе, как написал однажды Блок,
"державным шагом" и не заглядывает в гороскопы...

Трудно жить, когда серьёзный противник не знает о твоём существовании.

МКС

Не могу больше писать о себе.

Произошел какой-то выдох выход в безвоздушное пространство, я его не сразу заметил, просто закрылся люк, я перетащил себя вдоль внешней стороны космического модуля, чтобы настроить антенну, и через иллюминатор увидел, что внутри меня – нет.

ДЕСЕРТ

Читаю Кушнера, а хочется халвы.

БЕЗ СВЯЗИ

Другими словами, у меня нет читателя, ибо я не писатель.

Слабое, надо сказать, оправдание.

Никто не откроет меня, как Америку, потому что все знают, что я и так есть.

Как розетка радиоточки в рижской хрущевке – все помнят, что она есть, но кому она нужна?

Поэтому я говорю: делайте то, что считаете нужным, московское время семнадцать часов, а теперь – о погоде: дождь в декабре богат цинком.

Я давно сменил номер мобильного, поэтому его смело можно выключать на ночь.

Почтальон устал приносить спам, мне его жаль.

Иногда мы садимся пить чай перед монитором, он снимает с себя казенное обмундирование и совсем по-дружески произносит:

– Жень, напиши себе письмо сам – такое, какое все еще ждешь, я тебе его доставлю, не ссы...

Фу, как это пошло, думаю я, хотя современному читателю, должно быть, понравится...

И вот тут я вспоминаю. что у меня нет читателя.

НА ПЯЛЬЦАХ

Вот он – зрелый осенний дождь: неотесанный, грубый, основательный, до мозга костей своих хозяин своего положения...

В годы советской власти моей молодости (о, началось, а ведь я тебя когда-то предупреждал!) подобных дождей не было.

Помните? Я играл на банджо в оркестре антинародных элементов (зачеркнуто) инструментов: лэйзи, ю спик ит хер, оу, лэйзиии...

Струны у меня лопались, человек на басу злился.

– Струны, – говорил он медью обласканным голосом, – не лопаются, струна – не мочевого пузыря... И струны, и сердца могут только разрываться...

Есть люди, как продолжение музыкальных инструментов, на которых они играют – это не моя мысль, это всемирный Шкловский.

Вот и он не существовал вне контекста (зачеркнуто) своего контрабаса: сгорбившись в четыре погибели на дом тянул ох нелегкую эту работу, а в обычное время мы бы друг друга и не признали.

Увы, я опять трачу слова на детали – русская литература не щадит даже меня.
Значит, деталь (зачеркнуто) вечность.
Большинство представляет ее как-то иначе...
– Я тебя целую... (небольшая пауза) вечность не видела! - улыбается она восторженно.
- Целую... (пауза) вечность? – переспрашиваю я и проникаюсь нафталином.
Что ж, будем потихонечку распускать этот свитер...
90-е помню с трудом, 80-е немного легче, лучше всего удастся Великая Отечественная, индустриализация, революция 1917-го, 1905-го – явно бледнее...
И вот уже Толстой пятится к ясной поляне, Достоевский склеивает шпагу, Герцен умоляет декабристов: "Разбудите меня!"...
Петр грозит отшель шведам, ткется шапочка Маномаха, иго грузит туда-сюда апельсины бочками...
Потом – полный провал...
О, крещение!
Стало быть – крест: с положительными числами покончено!
Беру рождество Христово в качестве тачки отсчета в направлении отрицательное пространства.
Загружаю в нее Гаев, Юлиев, Цезарей, довожу этот великий груз до гоминидов ("низкая лобная кость, выступающие надглазничные валики, скошенный подбородок", и вот уже рыбы пятятся с суши в море, бог создает землю задом наперед, все, пц.
– Здравствуй, Мария!
Зато теперь, когда мы с ней наконец-таки встретились, и она такая восторженная, и я такой полный оптимизма – пошел осенний дождь, такой, какого не было целую вечность.
И мы стоим такие под дождем, и наши флаги промокли, и нам больше некуда идти, потому что о вечности нам известно только одно:
она - уже - прошла
Сумбурно я всё это объясняю, надо бы как-то попроще, на пальцах...

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

Каждой паре – по твари.

НА НОЧЬ ГЛЯДЯ

Не знаю, когда у вас наступает полночь, у меня же – никак не раньше трех часов ночи: карета превращается в тыкву, майка в пижаму, кучер в мышку, голова в репку.
О, злая мачеха, говорю я наступившей на меня пустоте, все, что угодно, но только не музыку! Все, что угодно, но только не перебирать эту красивую фасоль – я утратил чуткий слух и прокурил пальцы.
И тогда злая мачеха превращается в добрую мать, заваривает себя в старом глиняном горшке, густо посыпая чепец бергамотом.
Выпей от кашля, говорит она, выпей от сердца, выпей от глистов, выпей от любви, выпей от любви, выпей от памяти...

И кашель проходит, сердце проходит, стройными рядами проходят глисты (салют мальчишу!), а на пороге моей спальни возникает долгожданная принцесса со сверкающим хрустальным домашним тапком в руке...

ЖИ ШИ

кто тут был? левша ли леший
лившиц ленин левенбук
чей-то голос безутешен
вещевал среди скворешен
выводя картавый звук
разорвавшейся картечи
кашель полный междуречья
рак ирак ираклий друг?

время выбрало испуг
тайным поводом к вечери
ворковали аки звери
о любви надежде вере
вещим сном уснул пастух
трижды прозвенел петух
накрест окна крест на двери
пан пропал пропан потух

ты прости мой чуткий слух
он наполнен чуждой речью
каруселью слов заверчен
барабанной кожей сух
перепончатой подложкой
слышит косяки селедки
уходящие на юг...
а к тебе и нем и глух

муравья ли шаг трескучий
небо ли шекочат тучи
чу! роса упала в пыль
слышу каждую морщину
на виниловой пластине
под иглой на карантине
спит старушка изергиль
воздух свищет в паутине
солнце лижет липкий штиль

ты прости меня друг мой
за роман без продолженья

книга требует сожженья
чтобы помниться живой
горькой полной заблуждений
а не ветхим отраженьем
перетянутой струной...

кто тут был – уйдет со мной

О СКАЗКАХ

Вот еще один дракон погиб, освобождая небо от Ланселотов...

Если бы я писал сказки, у них бы не было счастливых концов.

К приходу красной шапочки бабушка уже успела бы перевариться, а пирожок превратиться в ледышку.

Другое дело – жизнь.

Если бы я писал жизни, то одну из них я бы закончил признанием героя в любви:

– Милая барышня, – сказал бы герой, мысленно пожирая ее от кончика шляпки до копчика хвоста, – Я не умею убивать ваших драконов – я даже не знаю, в которой из голов у них находится сердце...

БЕС СЛОВ

Но не будем о грустном.

Вы хотите поговорить о живописи?

Тогда отойдем в сторонку, возьмем кисточки, краски и начнем рисовать...

– В море – не плавают, плавают – говно, в море – ходят, – сказал бы настоящий моряк, а настоящий художник просто и изысканно дал бы мне сразу в портрет еще при слове "кисточки": до слова "рисовать" наш с ним пленэр просто бы не долетел...

– Кисти, – спокойно поправил меня Володя и мысленно нанес один крупный мазок на мою харю...

– Писать, – поправил он меня еще раз и также мысленно добавил немного фиолетового в скоропостижно образовавшийся под моим глазом сурик...

Эх, люблю я живопись и ее живописцев!

И мне до сих пор непонятно, как это можно вот так – без единого слова – создавать нечто, абсолютно непригодное для человеческого понимания!

БЕЛОЕ И ЧЁРНОЕ

Вчера вечером на узкой тропинке, ведущей к продуктовому магазину, я нос в нос столкнулся с чёрным котом.

Мы разом окопались и начали пристально вглядываться друг в друга.

В течение нескольких мгновений каждый из нас искал на теле противника хотя бы какое-то белое пятнышко...

Животное, как это ему и положено, приняло решение первым.
Трижды сплюнув через левое плечо оно стало медленно давать задний ход в сторону голых мартовских кустов и, напорвшись на встречное движение оных, неожиданно издало жуткий жизнерадостный крик...
Затем оно вспорхнуло ввысь и по-чеширски испарилось в черном воздухе дворового ландшафта...
"Мы победили и враг бежит, бежит, бежит!", – мысленно пробурчал я, обнажив в предательской тьме всю свою затаённую белогвардейскую сущность.

ВЫВОД

Если я говорю что-то не то, значит я говорю это кому-то не тому.

ДЛЯ ОТВОДА ГЛАЗ

Говорю прокурору: меня достало мое сердце, я его убил.
Прокурор понимающе отводит глаза в сторону...
Я леплю что-то из воздуха про чистосердечное признание.
Прокурор возвращает глаза на исходные:
– Чисто, – он спрашивает, – какое?
Прокуроры не верят в смерть после жизни.

А по ночам стихи становятся короче, сигареты короче, время короче...

В нашей тюрьме легко отбывать пожизненное заключение – надо только запастись сигаретами и словами.
Все остальное появляется само, как содержание: земля содержит человека, человек содержит сердце, сердце содержит душу, душа содержит небо, небо содержит солнце и мелко дрожит звездами – все, пирамида построена, слоны отдыхают.
Говорю прокурору: а вы знаете, как это трудно жить – без сердца?
Прокурор понимающе отводит глаза в сторону...

ПОДУМАЛОСЬ

Мне трудно словами оплакивать эту страну...

РАВИНЬ

Море и небо выглядят однойцевыми близнецами.
День длится весь день.
Маленькие глиняные ящерицы бегают по горячей стене наперегонки, подобно венецианским узорам.

Ты садишься на камень и погружаешь нижнее в воду.
Теперь ты кувшин и случайное прикосновение медузы оставляет розовый глянец.
Ты кричишь: она обожгла меня! и радуешься, как бесконечный ребенок.
Лавр благоухает живой и еще живая рыба кажется натуральной игрушкой.
Трудно оторваться от берега.
Трудно представить уместной фразу: не загораживай мне солнце – у кипариса,
оказывается, нет тени, Ганс Христиан!
Окна обросли ставнями, как новогодняя елка Щелкунчиками.
А в говоре чаек так много согласных, что начинаешь понимать хорватский!
И как кузнечик, готовый к прыжку, усыпаешь...

О НАБОЛЕВШЕМ

Все люди – уникальны, и только я один – как все...

ТАТУ

Лёгкость исчезла.

В прежние времена писать было легко.
Не писать – тоже легко.
Влюбиться – легче легкого.
Разлюбить – невозможно, но тоже легко, ибо делаешь это не для себя, для неё, легко
стиснув зубы.
С годами зубов становится меньше – легко стискиваешь сердце, оно лопается, легко
лопается, как мыльный пузырь, как мыльный пузырь, угодивший под гусеницу.
Бабочки в животе? куколки в животе... гусеницы в животе...
В прежние времена люди носили татуировки: "Люби меня, как я тебя!".
Сейчас так не пишут, потому что знают, что это – очень страшная просьба.
Снова пишу не о том, о ком думаю.
В прошлый понедельник меня опять резали, потом перевязывали, потом я уехал в
Питер...
Да, стучали колеса, пахло метрополитеном, я ел русские пельмени, очень вкусные
пельмени, такие, русские, из прошлой жизни...
Я мог бы написать очень много про эту поездку, про этот год, про эти пять лет, про эту
жизнь...
Но лёгкость исчезла.

Такое тату

ЗЕМНОЕ

все говорят «война» и я в солдаты

записан был и пулю в белый свет
пустил – она летит а смысла нет
но долетит куда-нибудь
когда-то

а зеркало состарилось со мной
состарилась вода что отражает
течение судьбы моей земной
а неземной судьбы-то – не бывает...
я спрашивал: никто о ней не знает

все говорят «любовь» и я любил
любил любил любил любил любил
любил любил и родину и море
у берега и небо на горе
и девушку которую люблю

теперь – остатний выдался бросок

от солнечного беспредела наискосок
лежу бездарный и без дела
и грею брошенное тело
и эта нега скороспела
и наг песок

ДЕВОЧКА И СПИЧКИ

Каждый раз, когда я сталкиваюсь с женскими мечтами обо мне – бампер всмятку, фары вдребезги...

– Представляешь? Ты бы ходил в море (вы меня - видели?), ловил бы рыбу (повторяю: вы меня – видели?), а я тем временем прибиралась бы в бунгало, разводила бы очаг (вы её - видели?), потом ждала бы тебя на камнях, грелась бы на солнце...
Все. Улыбаюсь.

Да, я смотрю на нее, как Ганс Христиан Андерсен смотрел бы на братьев Грим.
И тогда я сочиняю новую сказку.

Где-то в Латарингии жил да был богатырь по имени Псахис.

Была у богатыря палица, был у него жизненный кодекс: защищать слабых и бедных, наказывать сильных и богатых.

Но поскольку богатых в Латарингии отродясь не было, а из сильных – вообще только он один, наказывать богатырю приходилось самого себя.

С самого утра рассыпал Псахис в своей хижине сухой горох, становился на колени, так вот и стоял наказанным весь день напролет – в углу, коленями на горохе, мордой в икону.

Хороший у нас богатырь, говорили про него люди, вон он нас как защищает!

А когда Псахис умер – поставили они ему памятник на горе, так и стоит до сих пор

каменный Псахис на горе, коленями на горохе.

Ну и палицу не забыли – ее можно потрогать в городском музее за три небольших пенса...

В общем, грустный я сказочник, Женя.

О ТЕПЛЫХ ВЕЩАХ

Как говаривал классик, наливая себе портвейн из кувшина: если в первом действии на сцене появляется пирожок, то в конце третьего он обязательно должен быть съеден! Красная Шапочка для того и направлялась к своей бабушке.

Жила эта маленькая сухонькая старушенция на окраине дальнего леса, микроволновки у нее не было, только кровать, дешевые стальные спицы и дверь.

Если не отвлекаться на волков, то дорога к бабушке обычно длилась не более четырех лет.

Поэтому Красная Шапочка никуда не спешила.

Цель, полагала она, требует средств, и для этого заскочила в райцентр, чтобы открыть гамбургский счет в одном скандинавском банке, затем получила официальную лицензию на отстрел литературных героев, арендовала квартирку, приручила животное, в общем – все как у всех.

Шла она к своей любимой бабушке своей любимой тропинкой, любовалась своими любимыми подснежниками, одуванчиками, крапивой, желтыми листьями рябины, затем снова подснежниками...

Человек, любящий любоваться, достоин того, чтобы его тоже любили и ждали.

И хотя сказка должна была к этому времени уже закончиться – она продолжалась и продолжалась.

Сказки в принципе никогда не заканчиваются, потому что они – сказки...

Короче, встреча с бабушкой прошла в теплой дружественной обстановке, обратно Красная Шапочка поехала уже на автобусе.

И в качестве послесловия – о пирожках.

Пирожки оказались все еще теплыми.

Поэтому бабушка их не съела.

Она ими – грелась.

БИАТЛОН

Пора бы прекратить вслушиваться в космос и начать вместо этого вязать свой шарф!

О, как прекрасны наши разговоры о быте...

– Давай купим красной рыбы и проведем весь вечер наедине с бутербродами?

– А может быть лучше – пива? Мы так давно не пили пива...

– Да, конечно же – пива! Я так счастлива!

Сейчас скажу в рифму: пить пиво в одиночестве – тоскливо. Поэтому я иногда покупаю в ночном магазине очень-очень маленькую водку и небольшой маринованный огурчик.

Маринованный огурец, между прочим, до поры до времени может быть неплохим собеседником...

– Нет, ну ты видел, как Шипулин сегодня отстрелялся? А вот Устюгов на стойке опять застрелился...
– Это потому что – в горах... Надышался, поди... Подай мне, пожалуйста, ножик!
Просить маринованный огурец подать тебе ножик – все равно, что молить наемного убийцу, заскочившего к тебе домой по долгу службы, о подачке в лице АК-74 с передернутым затвором...
Но маринованные огурцы – приятные парни, они никогда ни в чем не чуют подвоха.
И вот уже твой собеседник нанизан на вершину миниатюрного швейцарского Wenger Victorinox...
– Питаться с ножа – плохая народная примета! – успевает предупредить он, – Будешь злиться без повода!
– За российский биатлон! – произносишь ты и через мгновение слышишь, как хрустит на далекой альпийской лыжне не вписавшийся в ледяной поворот знаменитый и ужасный Уле-Эйнар Бьёрндален...

а лучше ничего не говорить
вязать свой теплый шарф и слушать телек
сама собою длится жизни нить
и застывает в образе петелек
когда-нибудь она тебя убьет
затянется вокруг могучей шеи
ну а покуда пусть узоры вьет:
да будет шарф! в нем умирать – теплее

– напишешь ты в тот же вечер без всякого на то основания

НА ТРЕХ АККОРДАХ

Иногда хочется написать что-то умное, но на третьей строке все заканчивается.
Зато вторая получается просто выдающейся!
Третья же, по законам жанра, должна рифмоваться с первой, или второй, или четвертой, а это уже и скучно, и глупо.

ТЕХОСМОТР

Почему-то всем и все прощаю, даже себя.
Вот ложусь вечером, задумываюсь и говорю, что: ну-ни-ког-да-не-про-щу!
А утром, быстренько, раз – и – чего там было про никогдане?
Даже начал разбирать себя на детальки, откручивать винтики, искать: где же там у него прощалка? Может, разболталось чего? Может, надо фильтры поменять, ремень ослабить, кронштейн упрочить?
Оказывается, нет, не надо.
Просто досталась мне экономическая модель Орлова, в которой «экстры» производителями не были предусмотрены.

Вот так и хожу по свету: две ноги, две руки, одна голова, еще кое-что из навесного оборудования... А внутри – ну никаких наворотов, так, плюшевый салон, бардачок и прикуриватель...

В ТОРГОВОМ ЗАЛЕ

Мне нравится смотреть на запасы туалетной бумаги.
Особенно, когда на пухлых прозрачных упаковках – кремовым – выпуклое слово "Зефир".
Как символ нас возвышающего обмана.

САД

Сжечь фотокарточку, книжку, письмецо, платье – это ритуал такой, да? Символ? Чего?
Как сжечь листву?
Никого этим огоньком не согреешь, только пепел, легкий, как пух, черные ночные бабочки...
Был бы я хоть немножко стекольщиком – я бы построил на пепелище хрустальный дворец (мир дворцам, война хижинам).
Это был бы дворец с маленьким хрустальным яблочным садом, хрустальной скамейкой на входе, хрустальным сортиром в дальнем конце двора и круглой деревянной беседкой в центре вселенной.
Беседка напоминала бы парижскую карусель, каждая фигурка – улитка.
И вот так, с хрустальным скрипом, наклонялись бы деревья...
И вот так, с хрустальным скрипом, наклонялась бы скамейка...
И вот так, с хрустальным скрипом, раскачивалась бы дверь сортира...
И вот так, беззвучно, крутилась бы карусель (у улиток – бархатные чулочки).
Ветер – бессилен: звукописи – не горят.

ТОПОЛИНЫЕ, ПЕРИСТЫЕ

С утра хожу, собираю пух по квартире, чувствую себя дежурным ангелом.
Пух легкий, как пух, я пытаюсь зажать его в кулаке, а он говорит: Женя, ты что, собиратель пуха?
Я отвечаю: нет, просто – дежурный по облакам.
Я обязан собирать их в один невесомый комок и выбрасывать с балкона в атмосферу...
Пух отвечает: ну-ну.
И разбегается – кто, куда, смеясь и подпрыгивая...
Будь моя воля – так бы и ходил богом боком быком босиком по этим щекотным комнатным облакам до зимы...
Или всегда.

КВАРТПЛАТА

В общем-то, у меня – хорошая хозяйка, терпеливая...

- Женя, я ничего не хочу знать! Уже прошло два лишних месяца!
- Агата Бастионовна, Вы понимаете...
- Женя, я не должна ничего понимать! Это ваши проблемы!
- Конечно, конечно...
- Я посмотрела вчера ваши счетчики! Вы что, не моетесь?
- Почему... Просто – немножко экономлю...
- Это же надо! Так экономить, что они не крутятся! Вы можете испортить мне трубы! Они отвыкнут от воды!
- По выходным я принимаю ванну у своей сестры...
- Ваша сестра - миллионер? Не надо портить мне трубы, мойтесь дома! Кстати, я привезу вам холодильник!
- Спасибо... Но тогда у меня будет два холодильника...
- Нет, тогда у вас тоже будет один холодильник, потому что один я у вас заберу. Боже, зачем ему два холодильника, если и один он никогда не включает!
- Летом включаю... Если есть продукты... А так - экономлю...
- Женя, я ничего не хочу знать! Вы портите мне холодильник! И зачем я привезла вам стиральную машину?
- Агата Бастионовна, по выходным я стираю у сестры...
- Боже! Эта экономия испортит мне стиральную машину! Будете покупать новую! Кстати, я сегодня постирала вашу клеенку! Так же нельзя! Вы уже испортили мне клеенку!
- Вещи имеют обыкновение портиться... Я живу в этой квартире второй квартал и сам ничего не порчу...
- Знаете что? Я взяла вас как интеллигентного человека! И я ничего уже не хочу знать! ...В общем, если ко мне придет смерть – мне уже будет не трудно договориться об отсрочке.

АТЛЕТИЗМ

Рано или поздно старение начинает надоедать и ты пускаешься во все тяжкие – пытаешься поднимать табуретки, гантели, отжиматься, бродить в походы, подниматься на третий этаж без одышки, вздыхать и думать про себя: какой же ты все-таки тяжелый атлет, Женечка...

НА ОДНОЙ СТРУНЕ

опишешь улитку – и в ней обнаружишь себя
замшелого старца с узлом и направленным взглядом

опишешь собаку – проснешься одной из собак
(и кость тебе в зубы) и фиг ее знает – которой

опишешь козленка — да что там — опишешь коня
и дальше придется описывать муху и силов

но если решишься и все же опишешь меня
то значит и я не в напраслину жил — пригодилось

ЭЙЯФЬЯЛАЙКУДЛЬ

Книгу, которую я начинаю готовить к печати, скорее всего назову именно так:
Эйяфьятлайокудль.

Почему?

Роясь в русском языке, во всей его вкусности и многозначности, я не смог найти подходящего слова, которым можно было охарактеризовать мою жизнь.

Разве что — этим: Эйяфьятлайокудль.

И пусть ее название для русского читателя будет непроизносимым, жизнь, как и поэзия — она ведь и есть что-то такое еще не произнесённое, что-то такое еще назревающее, зреющее, потому что после слов: "Всё, я окончательно созрел для жизни, созрел для поэзии" — и то, и другое можно считать завершённым... Дальше — пыль да копать.

Итак — Эйяфьятлайокудль, сейсмологи меня поймут.

Книга, которую я начинаю готовить к печати, будет о трех головах, две из которых были когда-то отрублены, третья еще не научилась сражаться за независимость — флаг ей в зубы!

Эйяфьятлайокудль включит в себя «Граматику слуха», «Тайнопись» и «Четыре стены», ну а когда (и если) обретет существование — я начну отправлять его (книгу, конечно, не вулкан же) каждому, кому это покажется нужным...

Эйяфьятлайокудль получится толстым, как Библия, и умным, как «Справочник юного эквилибриста» на паркете.

Эйяфьятлайокудль!

Не пытайтесь запомнить — будет трудно забыть...

ПИШУ

вот я пишу: тоска и скука
и сразу вижу двух собак
они то просятся на руки
то грустные в ногах лежат
то лижут мордочки друг другу
то друг у друга ищут блох
а я пишу: тоска и скука
хотя хочу писать: любовь

ПЕРЕНОСИЦА

Докатился:

- не пишется не только великая русская поэзия (никакая не пишется), но и проза,
- не пишутся романы, повести, рассказы и очерки, анекдоты...
- даже докладные записки не пишутся

"Милая,
это все еще я,
я еще жив и еще здесь, на остановке, мой автобус еще не подан, твои пирожки еще
теплые..."
– это тоже не пишется.

Буквы перестали пахнуть тобой и я не могу найти нужные.
Это перец.
Я чихаю, неловко скулю и почесываю передними лапами переносицу.

Наше будущее давно перенеслось в наше прошлое.
Эти глаза смотрят внутрь, они всегда открыты, даже во сне.
Вот почему никто и никогда не увидит наших слез.

Все переносится.

ЗАНАВЕС

2012/2020

